

УДК 061.23

Л.Л. Шпаковская

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ РОДИТЕЛЬСТВА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Анализируются актуальные социальные проблемы в повестке дня сообществ родителей города Санкт-Петербурга. Изучение социальных проблем родителей помещено в контекст российской социальной политики. Гражданская активность родителей рассматривается как результат политизации приватной сферы заботы и воспитания детей, а также как ответ на вызовы со стороны государства, а также результат изменений в понимании значения и качества приватной сферы и детско-родительских отношений. Методологической рамкой выступает дискурсивный подход в исследованиях гражданского общества и общественных движений, а также теория социального конструирования общественных проблем. Статья написана на материалах эмпирического исследования, в рамках которого были собраны интервью с организаторами и активистами различных сообществ родителей Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: *родительство, гражданский активизм, социальные проблемы.*

В современном обществе родительство и детско-родительские отношения приобретают новые смыслы: на смену традиционному приходит современное или ответственное родительство. Традиционное родительство биологически фундировано, связано с идеей долга, традицией и гендерной поляризацией родительских ролей. Современное родительство выстраивается вокруг качества детско-родительских отношений, оно связано с рефлексией, эмоциональной работой и особым вниманием к построению родительских ролей и идентичностей. Оно также становится точкой пересечения интересов множества социальных акторов: государства и государственной политики, политических партий, отдельных политиков, граждан, семей, детей и взрослых.

В статье представлены основные подходы к изучению гражданской активности, приведен анализ их эвристического потенциала и методологических ограничений применительно к исследованию сообществ родителей; дано краткое описание характеристик родительских сообществ г. Санкт-Петербурга; предложено общее описание социально-политического контекста формирования родительских сообществ; выделены актуальные проблемы в повестке дня родительских ассоциаций; в заключение сделаны выводы о точках разрывов и совпадений официального дискурса и дискурса родительских сообществ.

Концепция гражданской активности родителей

Мы исходим из того, что родительство имеет общественное и политическое измерение. Предметом исследования выступают проблемы, которые активисты сообществ родителей считают актуальными. Рассмотрим далее ряд подходов к анализу публичной сферы с точки зрения их применимости для изучения гражданской активности родителей.

Родительские сообщества как элемент гражданского общества

В общем виде концепция гражданского общества связана с идеей о том, что объединения граждан могут быть противовесом рынку и государству, защищая индивида от их негативных эффектов или предоставляя ему возможности для участия в политике и коллективном действии. Она также показывает положительную связь между гражданским обществом и демократией [1, 2. С. 6].

Родительские организации могут быть проанализированы как элемент гражданского общества, например, с точки зрения тех функций и значений, которые они имеют для сглаживания «провалов» рынка и государства, а также вовлечения родителей в политический процесс и осуществления ими посреднических или благотворительных функций. Однако, как показывает финская исследовательница Салменниemi, концепция гражданского общества имеет скорее нормативный, чем аналитический характер. Все исследования в этом направлении в большей степени призваны продемонстрировать и оценить степень соответствия данного конкретного общества идеалам гражданской жизни. Исследователи также критикуют возможности применения данного концепта для анализа постсоветского пространства, в частности, за то, что он делает акцент на формальных организациях и объединениях и не замечает множества неформальных практик и сетей, находящихся между частной сферой и государством в социалистических и постсоциалистических обществах [3. С. 9]. Например, в начале 1990-х исследователи, беря за основу нормативное представление, констатировали, что гражданское общество в России либо отсутствует совсем, либо только еще развивается [4]. Более радикальные критики указывают на то, что концепция гражданского общества представляет собой форму западного культурного колониализма, стремящегося перенести признанные успешными социальные формы в совершенно иной культурный и исторический контекст [5, 6]. Применительно к родительским сообществам концепция гражданского общества может быть использована исключительно в расширительном понятии, поскольку многие из них не являются формальными организациями, а скорее имеют неформализованный характер.

Родительские сообщества: общественное движение?

Социология общественных движений уходит от рассмотрения институционализации и стабильности гражданской активности, что делает ее аналитическим инструментом для описания диффузных и изменчивых форм коллективной деятельности. Многие сообщества родителей не имеют официального статуса и организационной структуры, постоянного состава, а потому с формальной точки зрения не могут считаться организациями.

Социология общественных движений также отходит от нормативного взгляда на свой объект. При этом она подчеркивает конфликтный потенциал гражданской активности и ее роль в социальных изменениях. Структурно-функциональный подход и теории коллективного поведения приписывали общественным движениям значение катализаторов социальных изменений, но рассматривали их как нечто, отличное от нормального повседневного поведения и политики. Более поздние теории общественных движений полага-

ли их естественной частью политического процесса. Например, теории коллективной мобилизации ресурсов в качестве основного фокуса своего внимания видели ресурсы и рациональные ориентации политических акторов [7].

Для целей данного исследования представляется продуктивным подход, связанный с изучением так называемых новых общественных движений. Движения называют новыми, поскольку они отличаются по своему составу, ценностям и формам действия от традиционных движений рабочих и крестьян XIX и начала XX в. Их участниками становятся представители среднего класса, чьи базовые потребности уже удовлетворены и которые разделяют так называемые постматериальные ценности [8]. Эти движения объединяются вокруг ценностей качества жизни и лежат в плоскости культуры, стилей жизни, ценностей, власти и идентичности, формы действия их осуществляются вне групп и организаций, носят антииерархический и сетевой характер.

Политический теоретик Шанталь Муфф полагает, что новые социальные движения возникли как ответ на явления, которые есть следствие «современного развития капиталистических обществ». По мнению Муфф, новые акторы и проблемы возникают в связи с тем, что современный капитализм производит новые формы опыта и подчинения, политизируя пространства, которые еще до недавнего времени рассматривались приватными или аполитичными. Новые социальные движения возникают, чтобы оказать сопротивление этому новому опыту в недавно политизированных пространствах [9. С. 141]. Таким образом, социология общественных движений позволяет ответить на вопрос о том, почему появляются движения. Такая перспектива дает возможность реконструировать политический и экономический контекст, в котором они возникают в качестве факторов политизации.

Гражданская активность как дискурс

Один из вариантов решения отмеченных выше методологических сложностей связан со смещением фокуса исследовательского интереса от попыток описать институционализационные формы, функции и типы гражданской активности к изучению риторики и дискурсивных практик участников общественных организаций. Так, подход к гражданскому обществу как дискурсу предполагает рассмотрение его как пространства смыслов, практик и позиций субъектов. Он связан с анализом того, как именно, кем и в каких целях, с какими результатами используется понятие гражданского общества [10. С. 108].

Исследователи общественных движений предлагают анализировать когнитивную работу их участников, процесс фрейминга социальных проблем и коллективных идентичностей. Под фреймингом понимается деятельность по созданию смысловых рамок, которые обеспечивают его общественную поддержку. Когнитивная работа заключается в создании и распространении такой интерпретации событий, которая способствует мобилизации. Коллективная идентичность выступает символическим ресурсом, который способствует коллективной мобилизации участников движения [11. С. 614, 12. С. 121–122].

Аналогичным образом рассматривают когнитивную работу социальных акторов и представители теории социального конструирования проблем. Согласно этому подходу социальные проблемы не имеют объективного характера, но представляют собой результат деятельности социальных акторов,

выражающих недовольство и выдвигающих требования относительно улучшения проблемной ситуации [13. С. 161]. Представители теории социального конструирования проблем изучают то, какие стадии проходит процесс выдвижения требований и формирования социальных проблем. Некоторые из них также обращают внимание на то, что феноменологический подход для понимания сути процессов создания проблем не достаточен, поскольку не учитывает контекст, в котором эти проблемы возникают. Контекстуальные конструктивисты также анализируют процесс выдвижения утверждений-требований, однако допускают наличие социальных условий, которые становятся причиной этого явления [14. С. 168]. В русле дискурсивного подхода, а также контекстуального конструктивизма мы будем выделять не только проблемы, которые значимы с точки зрения активистов родительских сообществ, но и анализировать контекст, в котором происходит формулировка проблемных ситуаций.

Объект исследования: родительские сообщества Санкт-Петербурга

Для анализа были отобраны сообщества, имеющие разную степень институционализации. На одном организационном полюсе находятся неформальные клубы встреч молодых матерей, не имеющие четко выраженной структуры и состава и представляющие собой «тусовки» в одном из крупных шопинг-моллов Санкт-Петербурга или арендующие время от времени для своих встреч небольшое помещение. На другом – организации, полностью институционализированные, имеющие официальный статус НГО, устав, организационную структуру участников, постоянно действующие программы и направления деятельности. Сообщества сильно различаются с точки зрения источников финансирования. Есть сообщества, чья деятельность осуществляется полностью на добровольных началах и на основании посильного вклада каждого участника, при этом сама деятельность не требует значимых финансовых затрат. Так, например, встречи молодых матерей функционируют благодаря возможности каждой из участниц оплатить проезд в общественном транспорте, чтобы доехать до места встречи, купить чашку кофе в фудкорте молла или внести взнос для аренды помещения. Институционализированные организации, осуществляющие благотворительные программы помощи детям или родителям, имеют постоянные и часто разнообразные источники финансирования – от частных пожертвований до грантов как от государства, так и негосударственных российских и международных фондов. Большинство сообществ с точки зрения степени институционализации занимают промежуточное положение между этими полюсами. Учитывая организационное разнообразие родительских групп, для их описания мы будем использовать термин «сообщество», который указывает на наличие объединения родителей, но не показывает степень его формализации или институционализации.

С точки зрения состава участников большинство родительских сообществ являлись женскими, то есть представляли собой организации матерей. Даже в тех случаях, когда участницы подчеркивали, что их сообщество является родительским, то есть объединяет и отцов, и матерей, активистками и организаторами выступали в основном женщины. Среди родительских организаций существуют и объединения отцов. Они скорее являются исключением из пра-

вила, их активисты также стали нашими респондентами. Российские исследователи общественных организаций матерей показывают, что именно актуализация материнской идентичности представляет мощный символический и дискурсивный инструмент легитимации их деятельности в публичном пространстве [12, 15, 16]. Использование материнства как ресурса соответствует устойчивым представлениям о женственности и мужественности, которые предписывают отцам и матерям разные типы ролей в публичном пространстве, закрепляют за матерью преимущественное право выразительницы интересов своих детей и делают ее символически сильной политической фигурой [12]. Исследователи также подчеркивают, что смысловое отождествление материнства и родительства представляет собой результат советской гендерной политики и вписано в современную российскую гендерную культуру [17]. Появление организаций отцов может быть свидетельством изменений в официальной риторике семейной политики, а также внутри российского гендерного порядка, в котором отцовские роли и идентичности становятся легитимными аспектами маскулинности.

С точки зрения целей, идеологической направленности и форм деятельности родительские организации существенно различались. Среди организаций были такие, которые ставили перед собой цели образования и просвещения родителей, цели защиты трудовых прав матерей, психологическую помощь родителям, совместное проведение времени. С идеологической точки зрения организации также были чрезвычайно разнонаправленными. Лидеры и активисты некоторых из них разделяют либеральную риторику защиты гражданских прав, другие выражают консервативную позицию, связанную со стремлением сохранить или возродить существующие или утраченные формы организации семьи, брака и «традиционного общества».

Российское родительство: политизация приватности

Современное российское родительство находится на пересечении интересов множества социальных акторов, а также на пересечении множества дискурсов, разнонаправленных по своему значению. Некоторые исследователи отмечают, что текущие изменения в сфере родительства противоречат консервативным тенденциям, а также советским практикам пассивного и потребительского отношения к медиа и государственным сервисам. Они полагают, что сфера родительства и приватности является пространством обновления общества [18]. Другие показывают, что родительство становится сферой проникновения традиционалистского дискурса [19]. Наличие данных противоречивых тенденций в сфере родительства во многом обусловлено контекстом социальной и семейной политики, а также политики в отношении детства. Политизация родительства возникает как результат изменений характера государственной политики, а также как ответ на политические вызовы со стороны самих родителей.

Российская социальная политика 1990-х гг. может рассматриваться как результат изменений, которые начали происходить уже в позднесоветском обществе. Социологи обращают внимание на то, что в позднесоветском обществе роль государства в приватной жизни стала существенно менее значимой, по сравнению с другими советскими периодами. Владимир Шляпентох

выдвинул тезис о приватизации советского общества. Приватизация выразилась в увеличении значения частных институтов, таких как семья, дружеские и любовные отношения; развитии неофициальной публичной жизни и эксплуатации государственных постов и позиций в личных целях [20. С. 153–154]. Возможно, именно приватизация общества параллельно с процессами социальной дифференциации в образовательной системе [21] стала причиной все возрастающего внимания к вопросам воспитания и образования. При этом воспитание полагалось не как явление общественное, то есть связанное с потребностями общества в квалифицированных кадрах или политически подкованных гражданах, а гуманистически – как средство максимально развить способности каждого отдельного ребенка. В частности, движение педагогов-новаторов, появившееся в 1980-х, содержало не только критику советской образовательной системы, но предлагало пересмотреть отношения государства (в лице школы), педагогов, родителей и детей. В частности, многие авторы пропагандировали раннее развитие детей, которое невозможно без активного вовлечения родителей в воспитание, начиная с раннего дошкольного возраста. Преподавательские методики пропагандировали построение личностно-ориентированных, партнерских отношений между родителями, детьми и школьными педагогами.

Социальная политика 1990-х в России носила либеральный характер. По сравнению с советской политикой российское государство значительно сократило свое присутствие в сфере обеспечения благосостояния граждан. Если советская социальная политика носила универсалистский характер, то есть все трудящиеся граждане имели доступ к государственным поддержкам, то в 1990-е гг. ограниченное количество пособий стало доступно только малоимущим семьям [19]. Одновременно увеличилось число акторов, вовлеченных в обеспечение благосостояния: не только государство, но и семья, сами граждане, НГО, страховые компании, а также сервисы, предоставляемые рынком (няни, сиделки, домработницы), стали поставщиками благосостояния. Семья и частная жизнь начали полагаться как независимые от государства. Мишель Ривкин-Фиш, характеризуя результаты социальной и семейной политики данного периода, пишет: «Граждане пришли к выводу о том, что общество ожидает от них, что они будут сами создавать и контролировать свою жизнь, не полагаясь на государственную поддержку» [19. С. 709].

В СССР воспитание было оформлено дискурсивно как общественное, то есть было связано с представлением о приоритете государства и государственных учреждений в данном процессе. Российская Конституция 1993 г. провозгласила, что «забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ст. 38). Таким образом, ответственность за детей была официально передана семье и гражданам. Граждане также несли ответственность за получение детьми основного общего образования (ст. 43). Государство брало на себя гарантии, связанные только с поддержкой образовательных учреждений. Таким образом, произошло значимое смещение акцентов: образование гарантировалось государством, а ответственность за воспитание детей должны были взять на себя родители [22. С. 62].

В 1990-е гг. дискурс частной жизни тесно переплетается с дискурсом кризиса семьи, а также призывами вернуть мужчинам и женщинам их традици-

онные и естественные роли кормильца и матери-домохозяйки. Между государством и обществом возникает «вертикальный общественный договор» [23], в рамках которого государство и семья существуют относительно независимо друг от друга. Именно в этот период появляются первые родительские ассоциации. Они объединяют родителей, столкнувшихся с проблемами, которые они сами не в состоянии решить. Такими объединениями были организации родителей детей, страдающих тяжелыми заболеваниями, имеющих инвалидность, родителей, усыновивших детей. Создание этих сообществ часто поддерживалось крупными международными благотворительными организациями. В этот же период появляются благотворительные организации, которые ставят своей целью помочь детям-сиротам, детям, находящимся в больницах или хосписах. Так, в Санкт-Петербурге на конец 1994 г. было зарегистрировано 32000 инициативных общественных объединений граждан. Их них около 300 занимались благотворительной деятельностью в сфере социальной защиты населения. Большинство этих организаций были женскими. Участие в них часто понималось женщинами-активистками в духе традиционалистской риторики времени, как возможность осуществлять полезную для общества деятельность и вести образ жизни, отличный от образа жизни советской женщины, то есть избежать двойной нагрузки, «вернуться в семью», но быть общественно полезной [24].

В 2000-х родительство политизируется. Это происходит, с одной стороны, в связи с формированием дискурса демографического кризиса [19, 25] и защиты детства, а с другой, в связи с реформами социальной сферы. Демографическая политика и политика в области детства провозгласили рождаемость и заботу о детях в качестве основных национальных приоритетов. Демографический дискурс пропагандировал увеличение рождаемости, предписывал определенные формы семейного поведения, вводя в политический оборот понятие «благополучной семьи» [26]. Этот дискурс фактически переопределял взаимоотношения граждан и государства, нарушая сложившийся между обществом и государством вертикальный договор, определяя брак и деторождение в качестве сферы гражданской ответственности [19]. Государственная семейная политика стала строиться на университетских принципах и фактически определила каждого российского гражданина как участника семейных или детско-родительских отношений в качестве своего получателя.

Одновременно в 2000-х гг. была начата серия реформ институтов социальной защиты и страхования, здравоохранения и образования. Реформы здравоохранения и образования вызвали острую критику в обществе в связи с усилением коррупции в данных сферах без видимого повышения качества предоставляемых услуг [27. С. 5]. Кроме того, реформы школьного образования вызвали обеспокоенность в связи с вопросами доступности платных образовательных услуг. Для многих граждан эти реформы образования означали угрозу тому фундаментальному социальному праву, которым представлялось для них бесплатное и доступное школьное образование. Таким образом, принципы гендерного и родительского гражданства оказались пересмотренными в одностороннем порядке.

В 2000-х политический дискурс также переопределил смысл понятия гражданского общества. В политических документах 2000-х гражданское

общество стало пониматься либо как проправительственные НПО, либо как общество как таковое, или то, что не является государством [1]. Идеология нового гражданского общества подразумевала стремление государства передать часть социальных обязанностей самим гражданам, что выражалось в риторике социального партнерства. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг., в частности, содержит следующие формулировки роли граждан и общественных объединений в реализации политики детства: «В Российской Федерации необходимо шире внедрять эффективные технологии социальной работы, предполагающие опору на собственную активность людей (...). Политика в области детства должна опираться на технологии социального партнерства, общественно-профессиональную экспертизу, реализовываться с участием бизнес-сообщества, посредством привлечения общественных организаций и международных партнерств к решению актуальных проблем, связанных с обеспечением и защитой прав и интересов детей» [28]. Концепция семейной политики Санкт-Петербурга на 2012–2022 гг. также предполагает взаимодействие с общественными организациями в качестве одного из инструментов: «Роль государства заключается в максимально полном привлечении потенциала гражданского общества, работодателей, профсоюзов, церкви, политических партий, иницилирующих и проводящих социальную политику, благоприятную для развития и укрепления ресурсного потенциала семьи, в создании условий для благотворительной деятельности в сфере защиты семьи, родительства и детства» [29]. Данная риторика гражданского общества может быть рассмотрена как попытка изменения технологий власти в духе управленитета, когда родительство становится социально значимой деятельностью, подотчетной и контролируемой государством. Таким образом, родительство как форма самоорганизации граждан для осуществления благотворительности, сфера воспитательных и образовательных экспериментов, а также пространство частной жизни стало пространством проникновения и реализации государственной власти. Далее рассмотрим, каким образом представители родительских сообществ видят проблемное поле текущей социальной политики, а также политики в области детства.

Социальные проблемы и пути их решения в повестке дня родительских организаций

На основе анализа интервью были выделены проблемы, которые активисты сообществ родителей считают для себя актуальными. Под проблемой понимается условие, а также установки в отношении данного условия, которые заставляют рассматривать это условие как неприемлемое или проблематичное [13. С. 160]. Таким образом, в результате анализа на основе аналитических процедур категоризации и последовательного общения были выделены проблемные ситуации, которые требуют незамедлительного решения, с точки зрения представителей родительских сообществ, или на решение которых направлена деятельность данных сообществ. Некоторые из этих проблем упоминались практически во всех интервью, другие были характерны только для некоторых сообществ родителей. Исследовательская задача состояла в том, чтобы описать проблемное поле российского родительства, а не в том, чтобы выделить отдельные дискурсы и соотнести их с определенными носителями.

Проблема ответственного родительства. Участники исследования, члены родительских сообществ в качестве проблемной области современного родительства отмечали отсутствие ответственности или неготовность современных родителей принять на себя родительскую роль, связанную с осознанным выбором родительства, а также осознанным подходом к заботе и воспитанию детей. Председатель благотворительного фонда «Родительский мост», занимающегося проблемами усыновления и профилактикой социального сиротства, описывает безответственных родителей следующим образом: *«Есть взрослые, которые либо не являются взрослыми, а на самом деле, являются детьми разного возраста. То есть сложно взять семилетнего ребенка и вручить ему в руки грудного ребенка и сказать «ты будешь ответственным родителем»»* (Марина Левина, председатель БФ «Родительский мост»). Активисты «Родительского моста» организуют групповые тренинги и индивидуальное сопровождение, которые направлены на то, чтобы «подрастать» родителей, снабдить их необходимыми «психологическими» знаниями и навыками, которые позволят им достичь необходимого уровня сознательности.

Общественная организация «Папа-школа» ставит своей целью *«Воспитание ответственного отцовства в интересах ребенка»*. Под ответственным отцами понимаются отцы, осознавшие себя в этой роли, отцы знающие, компетентные и способные принимать активное участие в заботе и воспитании ребенка. Для достижения данной цели «модераторы» школы организуют регулярные встречи будущих отцов. Во время этих встреч отцы обсуждают круг практических и эмоциональных проблем, которые являются для них актуальными. Предметом обсуждений становятся: *«совместные роды», «кроватки», «коляски», «как дома все устроить», «что делать потом, когда родится ребенок, и как распределить лучшие время»*. На встречи отцов также приглашаются эксперты: психологи, педиатры, врачи-акушеры, которые проводят занятия, нацеленные на получение будущими отцами знаний о родительстве.

Материнство и проблема социального исключения.

Следующий круг проблем родительства представлен проблемной областью традиционного материнства и вписан в либеральный дискурс буржуазной семьи и жесткого деления на публичную и приватную сферу, при котором за женщиной закрепляются функции заботы, осуществляемой в приватной сфере, а за мужчиной – функции материального обеспечения семьи, осуществляемого благодаря работе в сфере оплачиваемой занятости. Кроме того, проблемы материнства описаны применительно к возрасту ребенка и типичны для матерей, осуществляющих уход за маленькими детьми и находящимися в фазе активного материнства. Во-первых, матери сталкиваются с социальным исключением: *«Когда ты рождаешь ребенка, ты попадаешь в некий социальный вакуум»* (Ж., 33 года, организатор сообщества «Мама-клуб»). Кроме того, матери ощущают неуважение со стороны ближайшего окружения и общества: *«Приходят мужья домой: «Ты сидишь дома, я устал. Ну что, ты же сидела дома, приготовь. Что у тебя здесь не убрано?»*. Поверьте, так в основной массе и происходит. Женщина обессиленная, в отчаянии, она обижается, она думает: *«Ну как же так?»*. А объяснить ей это просто невозможно. Это никто никому не объяснял никогда» (Ж., 32 года, организатор сообщества «Счастливая семья»).

Социальная изоляция, с которой сталкиваются матери, усиливается спецификой пространственной организации городского пространства. Матери не имеют возможности свободно передвигаться по городу, например, для того, чтобы встретиться с другими матерями или для посещения кафе, клуба, где бы они могли «ощутить себя в социуме». Свободному перемещению матери с малолетним ребенком препятствует отсутствие пандусов и съездов для колясок, высокие поребрики, крутые лестницы жилых домов и торговых центров, отсутствие въездов и мест для размещения колясок в общественном транспорте.

Постоянно находясь в замкнутом приватном пространстве, по мнению активистов родительских сообществ, выполняя рутинные обязанности по уходу и воспитанию детей, матери перестают «заботиться о себе» и своем внешнем виде, теряют женскую сексуальную привлекательность, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на семейных отношениях и «счастье в семье».

Деятельность родительских сообществ направлена на решение этих значимых, с точки зрения их представителей, проблем. Они видят свою задачу в создании публичного пространства для матерей. Например, сообщество «Счастливая семья» проводит регулярные праздники для матерей и их семей. Один из этих праздников был организован в форме конкурса красоты для матерей. Организаторы «Мама-клуба» видят свою задачу в том, чтобы создать площадку «для обсуждения проблем, связанных с семьей и материнством. Именно с семьей и материнством, потому что они возникают у всех. Бывает так, что мы организуем какие-то встречи, связанные не только с детским вопросом, но и с вопросом взаимоотношений с мужем» (Ж., 33 года, организатор сообщества «Мама-клуб»). Активистка сообщества слинго-мам полагает, что их встречи направлены не только обучению практикам обращения со слингом, но представляют собой «тусовку», «слингодвижку», которая не только пропагандирует определенный образ жизни, но и становится средой для общения и творчества матерей.

Проблема гражданских и трудовых прав матерей. Другой спектр проблем, характерных для матерей, представляет нарушение трудовых и гражданских прав со стороны работодателей и государства. Активисты родительских сообществ обращают внимание на то, что система социальных прав и гарантий матерей является недостаточно разработанной. Материнство в российском обществе связано со множеством рисков, каковые составляют потерю работы, потеря дохода и невозможность обеспечения себя и ребенка в период активного материнства, снижение оплаты труда, потеря карьерных возможностей. С точки зрения активисток общественной организации «Петербургская эгида», система гражданских и трудовых прав должна обеспечивать позитивную дискриминацию женщин и гендерное равенство в публичной и приватной сфере.

Нарушения прав матерей работодателями связаны с незаконными увольнениями беременных женщин и молодых матерей, находящихся в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком, отказом от выплаты декретных пособий в случае закрытия предприятия или смены юридического лица. Эти нарушения трудовых прав со стороны работодателя возможны в связи с отсутствием политической воли со стороны государства, чтобы гарантировать их соблюдение, а также поддерживать социальные гарантии граждан.

Однако бороться за свои права матери не всегда способны, поскольку не имеют необходимых юридических знаний или оказываются психологически не готовы к этому. Активистки «Петербургской эгиды» осуществляют юридическое консультирование, сопровождение в судах, а также предоставляют адвокатскую помощь женщинам, чьи трудовые права были нарушены. Активистки проводят психологические тренинги и организуют женские группы самопомощи и роста сознания, которые позволяют женщинам справиться с чувством «неуверенности».

Проблема детей-сирот. Участники родительских сообществ обращают внимание на то, что государство не может обеспечить необходимые стандарты качества ухода и медицинской помощи для детей-сирот, находящихся в государственных учреждениях опеки. Активистка общественного движения «Петербургские родители» описывает круг наиболее актуальных проблем социального родительства следующим образом: *«Больные дети, им нужны такие лекарства дорогостоящие, что государство не может им оплатить. У нас изначально, ребенок, больной родившись, он обречен на умирание, потому что таких средств на таких детей не выделяется. А если он, например, отказник — этот ребенок, на него уже ничего не выделяется, кроме на питание там, одежду»* (Ж., координатор больницы, ОД «Петербургские родители»). Представители движения «Петербургские родители» активно занимаются проблемами социального устройства и заботы о детях, поскольку система институциональной опеки воспринимается ими как несправедливая. Идеальным способом организации заботы о детях является семья, которая может обеспечить материнскую любовь и необходимую детям теплоту. В ситуации недостатка государственной заботы родители-активисты осуществляют сбор денежных средств, одежды, мебели, осуществляют волонтерскую помощь детям-сиротам.

Проблема кризиса семьи. Данная проблематика в той или иной степени обсуждается во многих интервью. Кризис семьи связан с изменением «традиционных» ролей мужчин и женщин, распадом межпоколенных семейных связей. Ответственностью за «кризис семьи» наделяется государство, которое допускает проникновение либеральных ценностей индивидуализма и западной культуры, не обеспечивает необходимую политическую поддержку семье и материнству, не занимается необходимым продвижением семейных ценностей: *«Это ведь идет [школьная] программа, которую одобряет Министерство образования. Она идет, все равно, идет влияние Запада (...) Умирают в России морально, убивают вот эту рождаемость в России. Уничтожаются ценности моральные»* (Ж., координатор больницы, ОД «Петербургские родители»).

Проведенный анализ позволяет обнаружить достаточно высокую степень совпадения с точки зрения видения проблемных областей родительства между официальным дискурсом и дискурсом родительских организаций. В частности, как официальный дискурс, так и нарративы родителей-активистов содержат проблематику определения зон ответственности государства и родителей. С одной стороны, риторика ответственного родительства в повестке дня общественных организаций и социального партнерства и распределения обязанностей в сфере образования в официальном дискурсе содержит идею

об изменении баланса обязанностей государства, гражданского общества и граждан в сторону большего участия родителей и третьего сектора. Однако, с другой стороны, как родители не готовы к большей ответственности, так и официальный дискурс отказывает семье и гражданам в полной автономии, в частности, в совершении репродуктивных выборов. Дискурс ответственного родительства ограничивается (безусловно, немаловажными) вопросами «психологической» готовности к родительству, воспитательных методик или выбора родильного дома, участия в родах и компетентного потребительского выбора для отцов. Вопрос же о возможности и необходимости государственной поддержки семьи рассматривается исключительно в ключе недостаточности или необходимости большего государственного участия в этой области.

Представители родительских сообществ часто видят свою деятельность как форму компенсации недостаточного участия государства в решении социальных проблем. Их работа сконцентрирована на решении конкретных проблемных ситуаций или личных проблем, с которыми сталкиваются участники этих сообществ. Однако критическое видение существующего способа распределения обязанностей между государством и третьим сектором отсутствует.

Традиционалистский и пронаталистский дискурс государственной политики становится языком обсуждения социальных проблем активистов родительских сообществ. В частности, проблематика кризиса семьи и необходимости для государства пропагандировать семейные ценности с целью повышения рождаемости является общим местом как официального дискурса, так и дискурса родительских ассоциаций.

Точку разрыва между официальным дискурсом и дискурсом общественных организаций составляет риторика гражданских прав родителей и гендерного равенства в приватной сфере. Если политика содержит многочисленные лозунги, связанные с поддержкой материнства и семьи, то представители родительских сообществ обращают внимание на то, что заявленные принципы часто нарушаются в условиях отсутствия действенных механизмов восстановления нарушенных прав со стороны чиновников или работодателей. Проблема гендерного равенства в публичной сфере в некоторых случаях становится предметом внимания официального дискурса, вопросы равного участия мужчин и женщин в осуществлении заботы о детях в приватной сфере выступают зоной молчания. Родители-активисты не только обсуждают эту проблематику, но и проводят мероприятия, направленные на большее участие отцов, или выдвигают лозунги, связанные с введением родительских отпусков для отцов.

Литература

1. Зигерт Й. Россия 2020: гражданское общество // Россия 2020. Сценарии развития страны. – URL: <http://russia-2020.org/ru/2010/08/23/russia-2020-civil-society/>
2. Salmenniemi S. Democratization and gender in Contemporary Russia. NY: Routledge, 2008.
3. Hann C. Introduction: political society and civil anthropology // Civil society. Challenging Western models. London; NY: Routledge, 1996. P. 1–26.
4. Белокурова Е. Концепция гражданского общества и современная российская политика // Политическая наука. 2003. № 1. С. 79–102.
5. Hemment J. Colonization or Liberation: The Paradox of NGOs // Postsocialist states. The anthropology of East Europe review. 1998. Vol. 6, № 1. P. 31–39.
6. Burawoy M., Verdery K. Introduction // Uncertain transition. Ethnographies of change in the

postsocialist world / Edited by M. Burawoy, K. Verdery. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1999. P. 1–17.

7. *Chester G., Welsh I.* Social movements. The key concepts. London, NY: Routledge, 2011.
8. *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton University Press, 1990.
9. *Mouffe C.* Towards a theoretical interpretation of new social movements // *Rethinking Marx*. NY: International General/MMRC, 1984.
10. *Салменниemi С.* Теория гражданского общества и пост-социализм // *Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения* / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», 2009. С. 96–120.
11. *Benford R., Snow D.* Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment // *Annual Review of Sociology*, 2000. Vol. 26. P. 611–639.
12. *Здравомыслова Е.* Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» // *Общественные движения в России: точки роста и камни преткновения* / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», 2009. С. 120–136.
13. *Спектор М., Китсьюз Дж.* Конструирование социальных проблем // *Контексты современности – II. Хрестоматия* / Сост. и ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 160–163.
14. *Бест Дж.* Конструктивистский подход к исследованию социальных проблем // *Контексты современности – II. Хрестоматия* / Сост. и ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 164–175.
15. *Данилова Н.* Право матери солдата: инстинкт заботы или гражданский долг? // *Семейные узы: модели для сборки* / Под ред. С. Ушакина. М.: НЛЮ, 2004. С. 188–210.
16. *Ушакин С.* Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // *Травма: пункты* / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: НЛЮ, 2009. С. 306–345.
17. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Трансформация гендерного гражданства в современной России // *Куда пришла Россия* / Ред. Т. Заславская. М.: МВШСЭН. С. 140–150.
18. *Майофис М., Куклин И.* Новое родительство и его политические аспекты // *Pro et Contra*, 2010. № 1–2. С. 6–19.
19. *Rivkin-Fish M.* Pronatalism, gender politics and the renewal of family support in Russia: toward a feminist anthropology of “maternity capital” // *Slavic review*, 2010. Vol. 69, № 3. P. 701–724.
20. *Shlapentokh V.* Public and private life of the soviet people. Changing values in Post-Stalin Russia. NY, Oxford: Oxford University Press, 1989.
21. *Шпаковская Л.* Советская образовательная политика: социальная инженерия и классовая борьба // *Журнал исследований социальной политики*, 2009. Т. 7, № 1. С. 39–64.
22. *Свешикова О.* Российские родители: новое в поведении и мировосприятии // *Pro et Contra*, 2010. № 1–2. С. 61–78.
23. *Аузан А.* Три публичные лекции о гражданском обществе. М.: ОГИ, 2006.
24. *Зеликова Ю.* Женщины в благотворительных организациях России (на примере С.-Петербурга) // *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период*. СПб.: ЦНСИ, 1996.
25. *Розенхольм А., Савкина И.* «Роди патриота – спаси Россию!» (нация и гендер в демографическом дискурсе российских печатных СМИ, комментировавших «демографическое послание» В.В. Путина) // *Гендерные исследования*. 2009. № 18. С. 266–282.
26. *Чернова Ж., Шпаковская Л.* Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 19–43.
27. *Яновский К., Жаворонков С., Рева Е. и др.* Реформа социальной сферы в России: институциональные барьеры и региональный фактор / Консорциум по вопр. приклад. эконом. исслед., Канадск. агентство по междунар. развитию. М.: ИЭПП, 2007.
28. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы // Министерство образования и науки Российской Федерации. – URL: <http://минобрнауки.рф/пресс-центр/2571/файл/1052/12.08.30-Ливанов-Правительство-Нацстратегия.pdf>
29. *Концепция семейной политики Санкт-Петербурга на 2012–2022 годы* // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. – URL: <http://gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2012/08/22/Koncepcija-semejnoj-politiki-na-2012-2022-gody.doc>